

Фигура Лескова в рефлексии Дурылина: «писатель-воспоминатель»

Н. А. Непомнящих

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Ставится проблема влияния творчества Н. С. Лескова на прозу С. Н. Дурылина. Рассмотрено, как в литературно-критических работах Дурылина, посвященных Лескову, делается акцент на единой идее лесковского творчества – поиске лесковскими героями веры в Бога и идеала. Дурылин одним из первых увидел в лесковских текстах примеры мирской святости. Сам Дурылин также в каждом произведении создает образы праведников в миру. Таким образом, его интерпретация превращает лесковский образ России в мифологему (авторская версия социокультурного мифа) Святой Руси. В свете этой мифологемы дурылинская Русь – это прежде всего ушедшая в небытие, как град Китеж, дореволюционная идеализированная Россия, образ которой Дурылин создает в своей прозе. В результате исследования найдены разные параллели в некоторых повестях и рассказах Дурылина отдельным лесковским произведениям: так, Дурылин намеренно повторяет эпизод из первых глав повести Лескова «Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева» в самом начале своей повести «Чертоги памяти моей (Записки Ельчанинова)». В истории с этим эпизодом внутри «Записок Ельчанинова», как в капле воды, отражается восприятие Дурылиным творчества Лескова в целом, в особенности его интерпретация лесковских персонажей в поиске веры как детей, по наитию обретающих Христа. Здесь также видно, каким образом идеи, возникающие у него в процессе чтения Лескова и написания о нем литературно-критических работ, воплощаются потом в собственном художественном тексте, приобретая отчетливое морализаторское звучание, многократно усиленное по сравнению с первоисточником.

Таким образом, можно говорить о том, что фигура Лескова, а также его эстетические принципы были переосмыслены в прозе Дурылина в свете его собственных идей.

Ключевые слова

Лесков, Дурылин, проза, сюжет, мотив, традиция, праведники, русская литература

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Фигура Лескова в рефлексии Дурылина: «писатель-воспоминатель» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 104–116. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-104-116

Durylin's Interpretation of Leskov: A Memoir Writer

N. A. Nepomniashchikh

Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article discusses the influence of N. Leskov's works on S. Durylin's writings. It proves that Durylin's literary critique on Leskov focuses on the idea of search of the god and ideal, the idea pervading Leskov's literary heritage. Durylin was one of the first to recognize the examples of worldly holiness in Leskov's narratives. He creates characters of saints living in the world in each of his own writings as well. Durylin interprets Leskov's image of Russia as the mythologem (author's interpretation of the sociocultural myth) of Holy Rus'. In light of this mythologem, Durylin's Russia is the Imperial Russia, which is, like the city of Kitezh, idealized and irretrievably lost. Leskov also affected his poetics: he dedicated his *Troitsyn Den'* (*The Whit Sunday*) to Leskov, wrote his own novels in the unique genres created by Leskov (e.g., a novel-chronicle: *Soboriane* (*The Cathedral Clergy* / *The Cathedral Folk*) – *Kolokola* (*The Bells*)). Durylin repeated the storylines of several Leskov's short novels, used some of Leskov's narrative strategies. This research shows various similarities of Durylin's and Leskov's works. The conclusion is that Leskov's character and esthetics were reviewed Durylin's works.

Keywords

Leskov, Durylin, narrative, prose, plot, motif, tradition, saints, the Righteous, Russian literature

For citation

Nepomniashchikh N. A. Durylin's Interpretation of Leskov: A Memoir Writer. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 104–116. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-104-116

«Я многим обязан Вашему отцу в моем духовном развитии»: фигура Лескова в рефлексии Дурьлина

Имя Н. С. Лескова для С. Н. Дурьлина – одно из ключевых. Дурьлин не только делал о писателе доклад на заседании Общества памяти Вл. Соловьева в 1913 г., но и писал о нем большую работу «Николай Семенович Лесков. Личность. Творчество. Религия»¹. Издательство «Путь» предложило Дурьлину написать монографию о писателе для серии «Русские мыслители», но революция помешала осуществлению замысла. В 1916 г. была опубликована вторая часть доклада «О религии Лескова». Он сам вспоминал, что эти материалы имели одно время успех, и о них говорили как об открытии Лескова. Заметим, что изучение Лескова во второй половине XX в. пойдет во многом вслед за Дурьлиным.

Во всех работах о Лескове философ размышляет и о лесковских книгах, и о его не самой удачливой литературной судьбе в целом, и о непростых взаимоотношениях писателя и церкви. Иначе говоря, он выстраивает целостную картину «духовной биографии» Лескова, анализируя как эволюцию его религиозных взгля-

¹ Подробнее об истории написания С. Н. Дурьлиным работ о Н. С. Лескове см.: [Дурьлин, 2008, с. 162].

дов, так и развитие его художественных принципов, их взаимосвязанность, проявление одного в другом. Увидев в Лескове внутреннюю цельность, Дурылин polemизирует с теми, кто традиционно ставил писателю в упрек его публицистику, политические и прочие выступления в печати: «В биографии Лескова обычно признаются две его измены: нигилизму и православию. Первому он изменил, перейдя к Каткову, второму – к Льву Толстому; улики первой измены “На ножах”, второй – “Полуночники” и толстовствующие сказки. Но Лесков никому и никогда не изменял в действительности; он только был Лесковым» [Дурылин, 2014, т. 2, с. 344]².

Из названия работы о можно понять, что было важным, что прежде всего интересно Дурылину в Лескове: его личность, его религиозные искания и творчество, – они в сознании Дурылина неразрывно связаны. С одной стороны, личность Лескова его привлекает своею цельностью: творческий путь Лескова видится ему чем-то вроде личной лесковской «лестницы» – путем бесконечного внутреннего самовоспитания, исканий не столько художественного совершенства, сколько божественной истины и откровения. С другой стороны, возникает впечатление, что Дурылин иногда словно примеривает на себя «лесковские одежды», характеризуя Лескова так, будто он говорит о себе самом, выделяя именно то, что больше всего волнует его самого и совпадает с обстоятельствами его собственной жизни. Вот несколько ключевых характеристик, которые Дурылин дает Лескову, каждая из них «ложится» и на биографию и творчество Дурылина:

- «Лесков дал читателю положительные типы русских людей»;
- «Лесков был величайший знаток иконописи <...> был церковный книгоуч, знаток церковного обихода. <...>»;
- «Но этот же человек был “знаток русской демонологии, утонченный ценитель древнего вольномыслия и вольноправия”...»;
- «Он живет как в монастырской келье, он почти приучает себя к монастырю во всем: в одежде, пище, занятиях»;
- «Самое народно-русское прошение молитвы Господней, которое Ключевский считает выражением всей русской истории и веры, – “да будет воля Твоя” – становится единственным прошением Лескова» (т. 2, с. 340–362).

Почти всё из сказанного – это и о самом Дурылине тоже. Во-первых, стремление изображать только положительных праведных героев: у Дурылина они или воцерковлены сразу, или обязательно должны себя найти в церкви и монастыре, прожив перед тем праведно свою мирскую жизнь. Во-вторых, в круг интересов Дурылина попадает много схожего: так же, как и Лесков, он любил изучать русскую старину и иконопись, написал несколько основательных статей в результате своих поездок по русскому Северу. «Древнерусская иконопись и Олонецкий край» сопровождается «Описанием коллекции музея общества изучения олонечской губернии»; к статье о граде Китеже прилагается «Список книг и статей, касающихся сказания о граде Китеже». Отдельно его интересовала демонология, и он создает целый бесовской пантеон в своих рассказах. Жизнь Дурылина можно уподобить отшельнической, быт его был предельно аскетичен.

---

² Далее цитаты из сочинений С. Н. Дурылина приводятся в тексте по этому изданию в круглых скобках с указанием тома (т. 1 – художественная проза, т. 2 – статьи) и страниц.

Воздействие же лесковского творчества на Дурылина можно охарактеризовать той же фразой, которой он сам описывает Лескова: «Он, умея жить в одной действительности, умел затем ее сделать своею действительностью и усваивал ее своему творчеству» (т. 2, с. 404). Прежде всего сам Дурылин многое черпал в лесковской художественной «действительности» и «усваивал ее своему творчеству». Потому совершенно закономерно, что в прозе С. Н. Дурылина не просто много «отголосков» лесковских текстов (множество прямых отсылок, реминисценций, цитаций), но сама его эстетическая концепция во многом строится на тех основаниях, которые были взяты и переосмыслены Дурылиным в художественном мире Лескова.

Дурылин, мироощущению которого свойственна всячески подчеркиваемая им самим принадлежность к прежней, ушедшей культуре, часто обозначает свое отношение к литературной традиции, противопоставляя «трудных» писателей «легким». Легкие – это те, «которые хотят, чтобы читателем их книги был только читатель: прочел, “облился слезой над вымыслом”, поставил книгу на полку» – и все кончено. К ним он относит Пушкина, Тургенева, Гончарова, Чехова: «Это писатели *легкие* для критиков и историков литературы». «Писатели *трудные*³» «не довольствуются тем, что читатель их прочтет», т. е. «только прочтет», по мысли Дурылина, это чтение должно совершить некоторый переворот в душе читающего: «...им нужно, чтобы он как-то постучался у их дверей и, в свою очередь, сам впустил их не только в двери своего дома, но и в двери своей души...». К ним он относит Достоевского, Толстого, Лескова [Дурылин, 2006, с. 420–421].

Обилие оценочных категорий, выстраивание ценностной иерархии, желание «рассортировать» всех проистекают здесь из его понимания, зачем вообще нужна обществу и человеку художественная литература: ценна она, по Дурылину, не столько сама по себе, сколько как важное средство в деле приобщения людей к Богу. Потому, говоря об истории русской литературы, месте того или иного классика в ней, Дурылин всегда исходит из убеждения, что литература необходима как проводник человека к богу и храму, т. е. литература в его трактовке, если выразить это прямолинейно, – некоторое идеологическое орудие. Так об этом пишет исследователь и публикатор текстов Дурылина Т. Н. Резвых: «Как и многие другие неравнодушные к проблемам Церкви современники, он пришел к выводу о необходимости кардинального изменения способа апологетики и даже самого языка христианского просвещения. Несмотря на то, что в собственном смысле слова философом Дурылин не был, им двигал тот же пафос, что двигал и любого русского религиозного философа: мир глубоко секуляризован, и необходимо заново начинать христианскую проповедь, опираясь в том числе и на собственный религиозный опыт. Особенность его позиции состоит в том, что, с его точки зрения, светская литература, философия и искусство внесли гораздо больший вклад в христианскую проповедь, чем все “Православные собеседники” и “Душеполезные Чтения” вместе взятые. Отсюда вывод писателя: язык лучших образцов русской литературы и был языком христианской проповеди» [Резвых, 2015, с. 199–200].

Если Дурылин оценивает русскую литературу как один из видов «христианской проповеди», то и Лесков оказывается им прочитан как христианский идео-

---

³ Курсив С. Н. Дурылина.

лог, которому эта «проповедь», по его мнению, вполне удалась. Именно в этом свете для Дурылина творчество Лескова составляет единое умозрительное целое: «Величайшая заслуга Лескова – эта его Божественная легенда. У него сложена *целая повесть русской веры*, дополняющая такую же повесть Достоевского. У него все верят, но верят так же многолико, своеобразно, сведумно, своемучительно, как верил сам Лесков» (т. 2, с. 353). Поэтому в своем следовании за Лесковым Дурылин читает тексты писателя так, чтобы они согласовывались с его собственными взглядами.

Свои приоритеты в отношении произведений Лескова Дурылин обозначил в одном из писем: «Собираюсь, как встану, переделать для печати и сократить давно написанную работу о Лескове. В будущем году исполнится 100 лет со дня его рождения. Когда-то я много над ним работал. Любите ли Вы его? Обычно его мало знают и оттого мало ценят. Для знакомства с истинным Лесковым я всегда советую прочесть “Очарованный странник”, “Запечатленный ангел”, “На краю света”, “Соборяне”, “Старые годы в селе Плодомасове”. Это все – тузовые вещи, как выражался Писемский (тоже забытый и тоже юбиляр: в будущем году 50-летие его смерти). Вообще, есть забытая русская литература, – и она не хуже и не бледнее той, которую обычно помнят» [Дурылин, 2008, с. 162]. Каждое из названных Дурылиным произведений Лескова – это рассказы о пути человека к вере, Богу и церкви, об отношении человека к вере и Христу, т. е. в первую очередь его интересует у Лескова именно эта тема: в каждом из них человек ищет и находит путь к храму и собственному внутреннему преобразению: «Каждый православием крещен в такое смирение, приводящее к простому Богу, крещена в него и Россия, но еще не облечены оба, и тут права лесковская жажда: себе – *жития*, России – *Руси*. <...> Россия, освобожденная от... личин лжи и отпадения от Христа, вожделеет стать Русью» (т. 2, с. 361).

Однако сама Россия в сознании Дурылина не едина. И. В. Мотеюнайте в статье «Дурылин о “Шерамуре” Лескова» отмечает, что для Дурылина существовала антиномия интеллигентской России (которую всё время критикуют за социальное неравенство, несовершенство и проч.) и народной святой Руси. И. В. Мотеюнайте обращает внимание, что, по Дурылину, в интеллигентской Руси, придуманной русскими писателями, нет места храму: «После Гоголя так у всех, кроме Достоевского и Лескова: у Гончарова храм и Россию около храма стали загоразивать Обломовы, у Тургенева – лишние люди (только Лиза да «Живые мощи» – исключение), у Островского – самодуры “темного царства”, у Чехова – бесконечные интеллигенты, о Щедрина и говорить нечего» [Мотеюнайте, 2018, с. 315–316].

Именно этой сугубо «интеллигентской книжной России» в сознании Дурылина противостоит Россия Лескова: «“Я дал читателю положительные типы русских людей”, – говорил Лесков, и это правда: лесковские праведники, встреченные им на всех путях и тропах народной жизни, – конечно, те самые праведники, которыми стояла русская земля. Не поверить тут Лескову – значит прийти к невероятному заключению, что вся Россия исчерпалась чиновниками, героями Щедрина и мужиками Успенского, значит признать ложью тютчевскую Русь, – Русь преподобного Серафима, Русь старца Зосимы, и признать единой истинной Российской империю городничих, Чичиковых и Держиморды» (т. 2, с. 336–337). Заслугой Лескова Дурылин считает умение выразить ту самую противоречивую многоликую мятущуюся Русь с ее народной верой – «настоящей», живой – в противовес

часто уже совершенно формально выражаемой вере церкви, а также в противовесе «нигилистическому» рациональному интеллигентскому мировоззрению.

В лесковских книгах Дурылин ценит прежде всего праведников, часто необразованных, но честных людей, живущих «во Христе». Прежде всего лесковские праведники в его восприятии смиренны: «У Лескова все христиане – тайные или явные строители твердыни своей личности за лесами полнейшего самоуничтожения» (т. 2, с. 359). Сам он словно пытается создать в своих повестях, рассказах и романе «Колокола» ту самую «повесть русской веры», которую приписывает Лескову. Дурылинская «Святая Русь» – это прежде всего страна христианских праведников, людей простых и смиренных, искренно добродетельных. Истоки праведности – в детстве его героев, когда ребенок видит перед глазами пример такого праведника, а свет веры в Бога бывает зажжен в душе кем-то из влиятельных взрослых: бабушкой, дедушкой, матерью, отцом, тетужкой и т. д. Так, в самом начале повести «Сударь-кот» от лица рассказчика, вспоминающего детство, звучит: «С этими словами “праведный человек” – мы вошли в собор; с этих пор я знаю это слово: оно в этот день, как свеча, зажглось в моей душе и горит неугасимо» (т. 1, с. 253). Эти слова включены в обрамление, предваряющее основной рассказ – повесть о праведной бабушкиной жизни, параллелью которой будет лесковская барыня Плодомасова.

В повести «Сударь-кот» каждый по-своему приходит к Богу: не только главная героиня, отказавшаяся от мирских благ, ушедшая в монастырь, но и ее родители, богатый купец и его жена предстают как люди, прожившие цельную, честную, гармоничную жизнь, логически приводящую их вслед за дочерью в монастырь, служить уже не миру, но Христу. Таков и приказчик, бывший возлюбленный главной героини, проживший в суете жизни, словно монах, и нашедший вечный покой под сводами монастыря. Повесть можно рассматривать как своеобразную полемику с первым лесковским романом «Некуда». Дурылин будто говорит, что выход есть и пойти всегда есть куда, подразумевая служение Богу. Не гибель девушки и ее семьи в результате ухода из дома и отказа от брака, но уход от не устраивающей ее греховной мирской жизни в монастырь, причем уход не только самой главной героини, но и всех значимых, связанных с ней персонажей, ее отказ от мирской жизни в расцвете молодости оказывается в итоге кульминационным событием, которое предопределяет счастливый, идиллический финал.

Таким образом, его интерпретация Лескова встраивается в его собственный миф об утраченной Святой Руси – образ, сквозной для дурылинского творчества. Он не раз возникает и в рассказах, и в повестях, и в романе «Колокола»: образ потерянной некогда Руси, утраченного града Китежа, т. е. той канувшей в небытие России. Однако это один из центральных образов не только его публицистики и художественной прозы, это «общее ностальгическое место» в творчестве многих писателей-эмигрантов: Зайцева, Шмелева, Бунина и др. Принципиально важно, что, в отличие от них, образ идеализированной Святой Руси у Дурылина по преимуществу книжный и реконструируется во многом как раз из прозы Лескова, взятой им за образец «художественной проповеди».

Дурылин не был эмигрантом, продолжая жить в послереволюционной советской России, но он был внутренним эмигрантом и скрывался от современной ему реальности в инобытии своих повестей и рассказов – тщательно выверенной собственными эстетическими и идеологическими фильтрами реальности некогда су-

ществовавшей идеальной России. «Сито», через которое просеиваются факты, образы и даже языковые средства, при помощи которых моделируется художественная вселенная утраченного безвозвратно прошлого, – это категория «памяти». Воспоминания здесь не жанр, но прием, благодаря которому происходит отбор определенных сюжетов, мотивов, образов, нарративных стратегий, лексических средств. «Воспоминание», мемуары как прием дают возможность говорить о таком прошлом, которое хотелось бы воссоздать, о прошлом как некоей утраченной идиллии и золотом веке.

В этом отношении интересно сопоставить его художественные тексты и мемуарные, но для этого нужно рассмотреть их также по отдельности. Практически всё написанное Дурылиным не просто обращено к прошлому, но написано в форме ностальгических «воспоминаний» от лица свидетелей, в них рассказывается о давно ушедшем прекрасном мире. И если по форме они пишутся как «художественный мемуар», то по содержанию, или по сути, – как «припоминание» истинной сущности этого мира в его идеальном непорочном состоянии. Именно это он разглядел в художественной «действительности» Лескова и именно в этом больше всего ему своеобразно наследует.

**«Я вспоминаю, следовательно, существую»:
Лесков как «писатель-воспоминатель»
в художественном сознании Дурылина**

Когда Дурылин пишет о Лескове, он словно поддается известному лесковскому пристрастию к словотворчеству, но не злоупотребляет им: «Лесков не простец, но *утонченник*⁴ стиля, но это потому, что утончена, многообразна, *многоличинна* русская речь и русский язык»⁵ (т. 2, с. 343). Много в произведениях Дурылина становится понятным, если присмотреться к тому, как он анализирует поэтику произведений Лескова, одним из первых обращая внимание на теперь всем известные характерные лесковские приемы. Он сразу подмечает и пристрастие Лескова к сказовой форме, и его обращенность в прошлое: «Он (Лесков) постоянно ищет этой формы: повествование от чужого лица, дающей наиболее простора его художественной дальнорзости. “Соборяне” в лучшей своей части представляют дневник протопопы Туберозова. Еще большее развитие получает у Лескова форма монологического рассказа о прошлом – рассказа, ведомого рассказчиком, который сам является художественным созданием, живущим своей особой жизнью, наделенными всеми особенностями эпохи, среды, образования отлагающимися на живом лице. В такой монологической форме написаны многие лучшие создания Лескова, – какое бесконечное здесь множество разнообразных рассказчиков, повествователей, какая сложность повествуемого!» (т. 2, с. 439).

Дурылин объясняет приверженность Лескова такой форме его языковыми пристрастиями и обращенностью в прошлое: «Указанный прием – один из основных в творчестве Лескова, если сравнить его в этом отношении с другими писателями... Этому есть две причины. Первая – в основном свойстве Лескова – *быть*

---

⁴ Цит. по: В. Н. Торопова «Сергей Дурылин: Самостояние»: МДМД. Коллекция «Мемориальный архив». Фонд С. Н. Дурылина. КП-612/33. Л. 9–10.

⁵ Курсив мой. – Н. Н.

писателем-восминателем, зорким к прошлому и часто вполне слепым к настоящему, пока оно не стало прошлым. Вторая – в его исключительной способности погружаться в стихию индивидуального самобытного языка, своеобразного склада речи, свойственных его героям, почерпнутых из всех слоев русской жизни» (т. 2, с. 440).

Когда на новом витке интереса, спустя столетие, исследователи вернуться к лесковскому творчеству, то окажется, что многое интересующее наших современников в художественном мире Лескова уже было подмечено и охарактеризовано С. Н. Дурылиным. Так, он первым обратил внимание на категорию памяти, чрезвычайно важную в поэтике Лескова: «Творить для Лескова всегда значит вспоминать. Образам жизни должно отойти в прошлое, минуя настоящее, для того, чтобы Лесков увидел их глазами художника...» (т. 2, с. 438). О. В. Евдокимова в книге о писателе отмечает: «Если говорить о мнемонической поэтике Лескова, то она, разумеется, восходит не столько к собственно мнемонике как технике запоминания или “искусству памяти”, сколько к сократовско-платоновскому пониманию памяти как духовной способности человека извлекать из своего сознания, “припоминать” сущности вещей. Вместе с тем одна из творческих целей Лескова-художника – внедрить эти сущности в сознание читателя – достигается им с определенностью и точностью мнемониста, владеющего арсеналом мнемотехники» [Евдокимова, 2001, с. 19–20]. То же самое можно сказать и о поэтике самого Дурылина, записавшего однажды: «Я вспоминаю, следовательно, существую – вот истинный закон человеческого бытия» [Дурылин, 2017, с. 23]. В этом он почти дословно копирует Лескова.

О. В. Евдокимова отмечает, что «писать “мемуаром” (X, 451) Лесков любил, считал воспоминания “самой неутомительной литературной формой” (XI, 114). Более того, письмо “мемуаром” он увязывал с характером своей “субъективности”» [Евдокимова, 2001, с. 58]. Она же проследила, что «если за основу взять одиннадцатитомное собрание сочинений писателя и проанализировать зачины всех произведений, то (кроме легенд, “чистых” сказов и стилизаций) нельзя будет найти ни одной “вещи”, в которой повествование велось бы не от первого лица. Местоимения “я”, “мы”, “мой”, “наш”... – неперенные составляющие начальных абзацев рассказов, повестей и очерков писателя. Несомненно, повествование от имени “я” – литературный прием у Лескова» [Там же, с. 104–105]. То же самое можно сказать и о дурылинских рассказах, повестях и романе. Объясняется такая нарративная стратегия лесковского повествования целеполаганием: лесковский текст «художественного мемуара» – это попытка воссоздания этапов самосознания героя, а его истинный сюжет – сюжет поиска и обретения собственной бессмертной души. Этот вывод делается О. В. Евдокимовой на основе анализа повести «Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева». Дурылин же подражает этой манере повествования на несколько иных основаниях.

Названная повесть Лескова чрезвычайно значима для понимания специфики прозы Дурылина. Так, в начале повести Лескова «Детские годы» от лица героя написан некоторого рода манифест о значимости детства в жизни человека и дано пространное рассуждение о жанре, якобы противопоставляемом привычному роману. Там словно прописаны именно те особенности, что станут художественными доминантами и ориентирами в прозе Дурылина: 1) детство есть исток для последующей жизни, потому его изображение важно, именно из первых детских

впечатлений рождается наше самосознание; 2) не должно быть традиционного авантюрного или закругленного романного сюжета, повествование-воспоминание, в отличие от романа, может течь как бы «само собою», фокусируясь на разномасштабных событиях, не всегда связанных внешне, важно лишь, чтобы они имели значение для «внутренней биографии» героя, играли роль в его духовном становлении – таков принцип их отбора: внешняя биография подчиняется внутреннему развитию героя как духовной личности, на пути обретения себя важны те моменты, которые помогают герою открывать себя подлинного, а подлинность эта всегда связана не с внешними социальными достижениями, но с моментами откровения, обретения высшей истины, которая у Лескова может иметь разные обличья. Важно, что, в отличие от героев Лескова, у героев Дурылина все события их биографии, иногда минуя какой бы то ни было поиск, просто по изначальному предопределению, всегда ведут к церкви и богу.

Почти все повести и рассказы Дурылина начинаются с воспоминаний о детстве героя или с подробного описания первых детских впечатлений героев, это отнюдь не случайность, а следование лесковской традиции, причем иногда буквальное. Между многими произведениями Лескова и Дурылина можно провести параллели, но наиболее значимая – между повестью Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» и дурылинским «Чертогом памяти моей (Записки Ельчанинова)». Именно в этой лесковской повести находятся многие «ключи» к прозе самого Дурылина. Оба текста декларативно имитируют мемуары, пишутся от первого лица и обращены в прошлое каждого из героев, начиная с их самых первых детских воспоминаний. Как раз эпизоды «первого детского воспоминания» в обоих текстах практически полностью совпадают. Рассказ лесковского героя начинается с тех ранних моментов в жизни, которые он запомнил, один из них – смертельно опасный. Ребенка вдруг нечто неясное, «легкое, прекрасное, тонкое»⁶ манит к окну, и он, не помня себя, в одно мгновение висит на карнизе над тротуаром, откуда его видят возвращающиеся домой родители. Дурылин воспроизводит этот эпизод у себя целиком, лишь немного его изменяя. Изменения эти в результате делают более явным и отчетливо проговариваемым в тексте то, что лишь намеком обозначено у Лескова, – эта стратегия в целом характерна для Дурылина при «переносе» лесковских тем, сюжетов, мотивов в его собственную прозу. Как это происходит?

У обоих писателей опасный для жизни ребенка случай помещен в самом начале повести и прописан как одно из самых первых и ярких детских воспоминаний героя: у Лескова то самое происшествие, когда ребенок повис за окном на большой высоте, а у Дурылина, его копирующего, ребенок внезапно повисает на колокольне, когда мальчик, забытый дядей-звонарем, спускается на ярус ниже и, увлекаемый показавшимся ему серебряным голубком, внезапно оказывается на огромной высоте, зацепившись одеждой за медное крыло ангела, рискуя упасть и разбиться о бульжную мостовую. Оба ребенка не понимают толком, как очутились в смертельно опасном положении, они словно оказываются на мгновение в беспомощности. Оба уже после чудесным образом избегают многих других опасностей. И если лесковского героя манит за окно нечто неясное, но прекрасное, то у Дурылина эта неясная сущность, из-за которой ребенок повисает на огромной

---

⁶ См.: [Лесков, 1958, т. 5, с. 283].

высоте, обретает вполне зримые очертания «голубка»: первый раз серебряного голубка мальчик видит в храме на церковной службе, затем между ним и матерью состоялся разговор о том, кого олицетворяет этот необычный голубок («...должен я молиться Духу Святому, ибо голубок сей не есть простой, а только вид прикровенный Господа Животворящего» (т. 1, с. 693)). Первые воспоминания, с которых начинается самосознание героя, на склоне лет оказавшегося в монастыре, пока никак не связаны с церковью. Впереди целая история мятущейся ищущей души. А вот у дурылинского рассказчика его путь предопределен с самого начала и уже подчеркнуто выделены все знаковые моменты. Более того, герой-рассказчик, от чьего лица идет повествование у Дурылина, сразу говорит о своей предназначенности богу, в первых же строках описывая, что родился под колокольный звон (один из важных дурылинских концептов в целом), что, предрекало ему быть богомольцем. Лесковский герой-рассказчик настаивает, что детство предопределяет весь дальнейший путь человека, но не забегает вперед и не прибегает к императивной тональности, даже если ретроспективно видит те самые «знаки», которые приведут героя в итоге к богу, он не акцентируется на них. Более того, предисловие о жанре, где рассказчик говорит о том, что повествование должно виться, как свиток, без «преувеличения» отдельных эпизодов, как раз отвечает его внутренней логике. Понятно, что Лесков, который не равен этому рассказчику, так или иначе предопределяет последовательность всех сюжетных звеньев, а они ведут к заданному автором итогу, но он нигде не выглядывает сам и не заставляет рассказчика проговаривать предстоящее «в открытую». То, что Лесков не договаривает, отдавая на откуп пронизательности читающего, Дурылин прописывает столь явно, отчетливо, будто «жирным шрифтом», что не заметить этих ремарок в тексте попросту невозможно.

Повтор первого эпизода лесковской повести в своей и доведение до зримого образа неявного намека лесковского героя наверняка продиктован сознательным намерением. В работах о Лескове Дурылин не раз восхищается эпизодом из рассказа Лескова «На краю света», где и «дух», и «голубок» упоминаются лесковским рассказчиком в связи с молитвой ребенка. Дурылин в одной из работ о Лескове цитирует такой эпизод: «Отец Кириак рассказывает архиерею о своем детстве. За школьную шалость его ждало наказание розгами, и ребенок прятался в бане, под полком, – и стал молиться... <...> “тут вдруг на меня чудной прохладой тихой повеяло и у сердца, как голубок тепленький зашевелился”⁷, и стал я верить в невозможность спасения как в возможное, и покой ощутил, и такую отвагу, что вот не боюсь ничего, и кончено!”» (т. 2, с. 360). В тексте Лескова дуновение, ощущаемое мальчиком, сравнивается с шевелением голубка за пазухой. Намек Лескова у Дурылина приобретает форму отчетливого дидактического морализаторства. Голубок – символ Духа божия. В тексте Дурылина ребенок голубка видит в храме, получая отповедь от отца за то, что отвлекается от молитвы, затем тот же голубок вновь покажется ему на колокольне. Там ребенок потянется за ним и окажется в опасной ситуации. Чудесное спасение происходит, разумеется, по воле божией, а в последующей главке «Об опасностях ребяческой жизни моей» перечислены еще пять случаев чудесного спасения «по Промыслу» (т. 1, с. 694–695). Такая сюжетная линия с длинной чередой смертельных опасностей, которые

---

⁷ Курсив мой. – Н. Н.

были чудесным образом избегнуты, может в свою очередь отсылать к другим лесковским текстам и героям: очарованному страннику Ивану Флягину и «Несмертельному Головану».

В другом месте той же дурылинской работы есть еще один момент, который можно считать прямым указанием на Лескова, точнее на то, что из эпизода с голубком и повисшим на высоте ребенком у Дурылина вполне осознанно и даже несколько демонстративно «выглядывает» именно лесковский пример. Дурылин цитирует одно из лесковских писем, сопровождая его комментарием о писателе: «...его молитва – ко Христу, Лик которого – Лик Ангела благого Молчания» (т. 2, с. 342). А уже в «Записках Ельчанинова» Дурылин упоминает Ангела Благого Молчания в той самой же главке, где описан эпизод с ребенком – «Болезнь. Мой Голубок»: «Постоянно стаивали мы в пределе, против иконы Ангела. Сего Ангела укрепился лик в памяти моей неотторжимо, и особенно крыла его, будто голубиные. Был оный ангел не Архистратиг небесных сил, но Ангел Благого Молчания, с руками, на груди скрещенными. И заметил я серебряного голубка над Царскими вратами малого того придела. Во время службы смотрел я то на Ангела, то на голубка и чайл, по простодушию детскому, что голубок слетит с золотого сияния и сядет на плечо Ангелу или на темечко» (т. 1, с. 693). Один и тот же Ангел Благого Молчания явлен как яркий образ, более всего запомнившийся персонажу рассказа в детстве, и в то же время как один из образов, с которыми соотнесена молитва самого писателя Лескова. Вряд ли такое совпадение не было обдуманым.

Характеризуя лесковских героев-праведников, Дурылин часто упоминает «детское простодушие», христово «будьте, как дети» видится ему в образах лесковских смиренных персонажей. В работе о писателе этот концепт может быть выражен синонимически как «младенческий образ мыслей». Так, например, о героях Лескова говорится: «Младенческий образ мыслей дает младенческую простоту» (т. 2, с. 358). В повестях Дурылина недаром много места бывает уделено описанию детства героев, причем часто от лица самих детей-рассказчиков. Такой прием позволяет акцентировать внимание на значимых для его положительных героев-праведников характеристиках: это и детская открытость, и незамутненность сознания излишней рефлексией, и чистота, яркость детских впечатлений, искренность душевных порывов. Потому дети и немногие взрослые – это люди, заключающие в себе первозданную «детскость» как чистоту сознания, не только по настоящему добродетельны, но и напрямую могут познавать Бога, ощущая его в душе: «Точно весь мир впадает в детство и по-детски, каким-то вторым и окончательным младенчеством встречает Христа. Это младенчество Христоощущения в мире Лескова заимствует у народного сознания – у народного религиозного опыта, и, не боясь укоров в славянофильстве, исповедует *русского Христа*⁸. Но “русский” здесь – только детский Христос, соответствующий тому “младенческому образу мыслей”, который величайший тайнозритель христианства, Исаак Сирин, считает неопустимым условием “ведения Духа”» (т. 2, с. 360). Причем «детскость» напрямую и буквально накладывается Дурылиным на «народное сознание», идеализируя его. У Лескова подобной идеализации народного сознания не было: достаточно вспомнить многие трагические и жестокие сюжеты, которые

---

⁸ Курсив С. Н. Дурылина.

в произведениях Лескова имеют источником народные суеверия. Дурылин же берет из книг Лескова лишь «светлую» сторону проявления народной веры, приписывая ей «младенческий образ мыслей», т. е., на языке дурылинских концептов, непорочность, трактуемую как отсутствие избыточной рефлексии, критики и сомнений, свойственных интеллигенции.

Дурылин не просто так обращается к эпизоду из детства лесковского героя, повторяя его в собственной повести, этот эпизод имеет принципиально важное обоснование для описания подобного опыта у собственного персонажа: «Детское» ощущение Бога и Духа святого для него есть истинное мерило самой веры. Возможно, источник столь частого и подробного описания детских воспоминаний персонажей в разных повестях Дурылина именно здесь, тем более учитывая, как «Детские годы» Лескова отзываются в «Записках Ельчанинова» уже в самом их начале. В истории с этим лесковским эпизодом внутри «Записок Ельчанинова» как в капле воды отражается восприятие Дурылиным творчества Лескова в целом, в особенности его интерпретация лесковских персонажей в поиске веры, как детей, по наитию обретающих Христа. Здесь также видно, каким образом идеи, возникающие у него в процессе чтения Лескова и написания о нем литературно-критических работ, воплощаются потом в собственном художественном тексте, приобретая отчетливое морализаторское звучание, многократно усиленное по сравнению с первоисточником.

Такова в целом дурылинская концепция литературы – литературы, понимаемой им не столько как сферы эстетической, сколько как отрасли христианского учения, т. е. для него литература ценна в большей степени как сфера нравоучительная, и Лескову в ней отведено место такого учителя. По Дурылину, конечная цель всякого истинного литературного творчества заключена в христианском воспитании и обращении читающего ко Христу, тогда как у Лескова, из которого он черпает идеи, мотивы, сюжеты и целые эпизоды, подобная тенденция прослеживается разве что в отдельных поздних произведениях, однако не свойственна его творчеству в целом.

Список литературы

- Дурылин С. Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
- Дурылин С. Н.* «Брожу по взгорьям в дни глухонемые». Пропущенные «углы». Публикация МДМД. Подготовка текста, предисловие и примечание Анны Резниченко // Новый мир. 2008. № 12. С. 144–162.
- Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920-х годов / Статья и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014.
- Дурылин С. Н.* В родном углу. Чем жила и дышала старая Москва. М., 2017. 592 с.
- Евдокимова О. В.* Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. СПб.: Алетейя, 2001. 314 с.
- Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958.
- Мотейунайте И. В.* С. Н. Дурылин о «Шерамуре» Н. С. Лескова // Литературный факт. 2018. № 10. С. 307–320.
- Резвых Т. Н.* Религия и культура в прозе и поэзии С. Н. Дурылина // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 198–218.

References

- Durylin S.N. V svoem uglu. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 879 p. (in Russ.)
- Durylin S. N. “Brozhu po vzgor'jam v dni gluhonemye”. Propushchennye “ugly” [“I Wander along the hills in the days of the deaf and dumb”. Missed the “corners”]. MDMD publication. Preparation of the text, foreword and note by Anna Reznichenko. *Novyy mir [New World]*, 2008, no. 12, p. 144–162. (in Russ.)
- Durylin S. N. Stat'i i issledovaniya 1900–1920-kh godov [Articles and investigations of 1900–1920s]. Intr. and comment. by A. I. Reznichenko and T. N. Rezvykh. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2014. (in Russ.)
- Durylin S. N. V rodnom uglu. Chem zhila i dyshala staraya Moskva [In the native corner. What old Moscow lived and breathed]. Moscow, 2017. 592 p. (in Russ.)
- Evdokimova O. V. Mnemonicheskie elementy poetiki N. S. Leskova [Mnemonic elements of N. S. Leskov's poetics]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2001. 314 p. (in Russ.)
- Leskov N. S. Collection of works. In 11 vols. Moscow, 1958. (in Russ.)
- Motejunajte I. V. S. N. Durylin o “Sheramure” N. S. Leskova [Durylin about N. S. Leskov's *Sheramur*]. *Literaturnyj fakt [Literary Fact]*, 2018, no. 10, p. 307–320. (in Russ.)
- Rezvyh T. N. Religiya i kul'tura v proze i poezzii S. N. Durylina [Religion and culture in prose and poetry by S. N. Durylin]. *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]*, 2015, no. 3, p. 198–218. (in Russ.)

Сведения об авторе

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
alkat@ngs.ru
ResearcherID K-6510-2017

Information about the Author

Natalia A. Nepomniashchikh – Candidate of Philology, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
alkat@ngs.ru
ResearcherID K-6510-2017